

«...НА СТРАХ ПРОТЧИМ БУНТОВЩИКАМ ВЕШАТЬ...»:
К ИСТОРИИ УЧАСТИЯ ТАТАР В БАШКИРСКОМ
ВОССТАНИИ 1735–1736 ГГ.

Валиуллин И.Р., кандидат исторических наук

THE HISTORY OF THE PARTICIPATION OF THE TATARS IN
THE BASHKIR UPRISING OF 1735–1736.

Valiullin I.R.

В первой половине XVIII в. ряд важных изменений в жизни татарского народа происходил в русле событий российской истории и прежде всего петровских преобразований. Они требовали колоссальных материальных средств, что в свою очередь сказалось на налоговом положении татар. На плечи татар легла новая повинность, связанная с заготовкой, обработкой и вывозкой «корабельных лесов» для строящегося российского флота. В связи с новой повинностью, в основном из служилых татар была сформирована категория лашман.

В этот период актуальной для татар становится ситуация в религиозной сфере. В первой половине XVIII в. усилилось стремление властей к христианизации «иноверческого» населения: в 1713 г. и 1715 г. были приняты указы, предусматривавшие изъятие поместий, вотчин и крестьян у некрещеных татар¹; указы 1720 г. и 1722 г. предоставили новокрещеным налого-

вые льготы и освобождение их от рекрутской повинности²; в 1731 г. была создана Контора новокрещенских дел и т.д. Своего пика политика обращения «инородцев» в православие достигла в 1740-е гг.

Подобное положение дел тревожило татар, обеспокоенных усилением налогового гнета и вмешательством государства в их духовную жизнь, способствовало росту антиправительственных настроений среди них. В 1735 г. татары волжско-уральского региона были вовлечены в орбиту событий повстанческого движения в Приуралье, которое длилось несколько лет и было окончательно подавлено в 1740 г.³

Татары не в первый раз участвовали в башкирских восстаниях. В 1704 г. вспыхнуло восстание башкир против введения новых налогов, которое продолжалось до 1711 г. В ходе восстания в 1706 г. татары и башкиры Уфимского уезда действовали совместно: «...Уфинского уезду башкирцы и

татара, стоят в скопе для воинского случаю многое число в Казанском и Уфимском уездах...»⁴ Во время похода повстанцев в Казанский уезд в 1708 г. их союзниками стали местные татары, которое «дали слово» присоединиться к восстанию.

Многие из них вместе с семьями («немалые тысячи») затем ушли вместе с восставшими в Башкирию. Бегство населения в Башкирию продолжилось и в последующие годы (например, по сведениям казанского губернатора П.М.Апраксина зимой 1712 г. бежали 4 тыс. чел.⁵). Власти стремились вернуть беглецов на прежнее место жительства: к марту 1722 г. из Уфимского уезда в разные города было выслано 4965 семей (19815 чел.)⁶.

Башкирские земли не были известной территорией для татар. В некоторых районах Приуралья татары и их предки, как считают исследователи, жили и до падения Казанского ханства⁷. Впоследствии татары активно переселялись в Приуралье, стремясь избавиться от стеснений в экономической и религиозной сферах. На динамику этого процесса в 1730 г. обратил внимание казанский губернатор А.П.Волынский. Он писал, что «... чрез 20 прошедших лет не было прямых башкирцов больше 35000, или по крайней мере 40000, а ныне з беглецами стало больше 100000, а имянно казанские, симбирские, темниковские и протчих тамошних уездов ясашние татары большая половина в Башкиры перешли»⁸.

По подсчетам Д.М.Исхакова, к середине XVIII в. в Приуралье насчитывалось 89 тыс. татар⁹.

Наряду с татарами в башкирский край переселялись чувашы, марийцы, мордва и удмурты. В результате миграции, например, на территории Казанской и Осинской дорог в каждой башкирской волости имелось несколько десятков и сотен деревень, освоенных пришлыми людьми¹⁰. В новом краю переселенцы пополняли категорию припущенников, которых башкиры допускали в свои вотчины на определенных условиях. В глазах переселенцев положение башкир-вотчинников с их высоким социальным статусом и привилегиями, дарованными русским правительством, выглядело привлекательно. Это вызывало стремление пришлого населения записываться в «башкирское звание»¹¹.

Несомненно, переселение способствовало усилению взаимодействия между народами Среднего Поволжья и Приуралья. С другой стороны, миграция «иноверцев» имела антиправительственную направленность. Из-за ухода податного населения государство несло финансовые (налоговые) потери. Существенной стороной также являлась идеологическая составляющая процесса. Историк Н.А.Фирсов усматривал у переселенцев «не доброе чувство к русской власти», а у их соплеменников, оставшихся дома, «брожение умов», а также их общую готовность к участию в повстанческих выступлениях.

Определенное беспокойство у российской власти вызывали отношения татар и башкир. В этом плане интересно «рассуждение» обер-секретаря, начальника Оренбургской экспедиции И.К.Кирилова и генерал-лейтенанта, начальника Комиссии башкирских дел А.И.Румянцева, обнародованное в декабре 1735 г., после спада башкирского восстания. «Рассуждение», в целом посвященное вопросам управления населением Уфимского уезда, включало также размышления на тему татаро-башкирских отношений. «Башкирцы никогда в прежния времена с казанскими слободками и уездными татарами сватовства не имели и не было им притчины к тому, что в самой мизерии хуже всякого татарина жили, но как, принимая к себе отовсюду беглых, стали ими богатитца, а наипаче увидели за бунты им купно же под их именем и беглецам отпущения безо всего, то завели родню – в Башкиры дочерей отдают и, оттуды девок брав, женятца, и тем способом во всяком деле, что б в Казане не зачелось, уже в Башкиры давно дано знать. Тако ж де свои примеры разглашают: сначала де брали лехкой ясак, а потом больши умножили, а наконец, в подушной оклад и к отдаче рекрут равно с рускими положили. Чем подощряют к воровствам, а может быть и себе чают от них в случай помощи», – отмечали сложившуюся ситуацию авторы документа¹². В качестве контрмеры предлагалось «впредь запретить в сватовство вступать без челоби-

тья и без позволения казанского губернатора»; ввести свадебный налог – «по лошади драгунской с свадьбы»; нарушивших запрет и вступивших в брак без позволения властей – отправлять в ссылку.

Сложившееся положение дел в сфере взаимодействия народов волго-уральского региона, особенно татар и башкир, нашло отражение в событиях 1735 г., когда часть татар проявила активную сопричастность к начавшемуся башкирскому восстанию. Предыстория восстания известна – организация и деятельность Оренбургской экспедиции (1734–1735 гг.), которая вошла в противоречие с интересами башкирского населения.

В источниках имеется немало упоминаний о волнениях среди татар. По сведениям канцелярии Главного правления сибирских и казанских казенных заводов (июль 1735 г.) были арестованы несколько татар «со многим ружьем», признавшихся после пыток, что собирались на «войну»; наблюдались передвижения вооружённых татар группами по 5 и 10 человек; отмечалось скопление татар у озера Чебаркуль¹³. Местные крестьяне, взбудораженные слухами, что «башкирцы собираются на войну» и «татары де идут» поспешили укрыться в острогах. «...Уфимского уезда русские жители от татарского замятения собрались в город и от того де учинилась в правянте скудость», – сообщалось в донесении канцелярии¹⁴.

Татары действовали совместно с башкирами под Заинском («жгут

деревни, раззоряют»). Власти были осведомлены, что многие окрестные татары «...состоят... з башкирцы к раззорению русских в одном согласии». К примеру, жители деревни Верхние Налимы направили к башкирам своих представителей во главе с Абдишем Акбулатовым, известив их «...что они желают быть з башкирцами вместе и бунтовать». 29 июля 1735 г. произошел бой повстанцев с командой капитана Галчина, в ходе которого было «побито башкирцов и татар 50 человек». В августе 1735 г. башкиро-татарский отряд (800 человек) дислоцировался у деревни Шихмамаевой, в 18 верстах от Зайнска.

Известие о начале восстания также всколыхнуло татар других местностей. В районе Мензелинска была устроена засека, которая, по свидетельству татар Арслана и Юзея из деревни Медведева, была построена «...для башкирцов, чтоб им стоять от русского войска»; впоследствии «...14 деревень татары пошли з башкирцами вместе, а башкирцов в зборе было 1500 человек»¹⁵. По рассказу татарина Шарыма Дрюкова из деревни Каркина Казанской дороги, находившемуся у засеки с другими татарами, «... прежде де у них был совет, чтоб итти на русских з башкирцами и русских рубить, и итти к Мензелинску, и хотели жечь слободы, а от Мензелинска до Шешминска хотели по сей стороне Камы реки разорять деревни»¹⁶.

Деятельность некоторых отрядов была кратковременной. Сфор-

мированный в деревне Медведева, вооруженный ружьями, сайдаками, копьями и саблями, отряд (часть его составили башкиры, прибывшие в деревню) двигался по Уфимскому уезду через деревни Тюзюнбика, Дюзнарет и дошёл до деревни Калма (в районе Мензелинска). Здесь отряд повстречался с башкирами, которые рассказали им о потерях в бою с правительственными войсками. По словам татар, «и они де, слыша от них такие слова, ис той деревни возвратились в дома свои»¹⁷.

В документах отмечается, что татары совместно с башкирами «разоряли» русские, мордовские, новокрещенские и другие села и деревни. Под ударами повстанцев оказались деревни Елань, Маврино, Соренкино, Багрячь, Бута, Верхние Мордовски, Нижние новокрещенские Акташи и многие другие села и деревни, в которых «...дома пожгли, и скот весь и пожитки побрали»¹⁸. Пострадали хозяйства части ясачных и служилых татар Уфимского уезда, извещавших власти, что башкиры грабят у них «пожитки» и скот.

Надо сказать, что татарское население волго-уральского региона не проявило единодушия в поддержке восстания: одни отвергли призывы к выступлению, другие колебались или проявляли нерешительность. Настроения некоторых из них, опасавшихся обострения ситуации, накануне восстания характеризовали такие слова: «...аще де станется война, то де назнамо куда и деваться, понеже де русские

в острожки не пустят, а покою де сыскать будет негде»¹⁹. По наблюдениям капитана Лихачева, «...татара не все согласны, а особливо де мешчеряки делают свои крепости и хотят им [т.е. повстанцам – И.В.] противиться»²⁰. Однако башкиры и татар, неприсоединившихся к повстанческому движению, ожидала верная смерть. После начала восстания, как свидетельствовали башкиры Ишим Рысаев и Артей Срымов, предводитель восстания Акай Кусюмов собирался устроить «збор» с бескомпромиссным решением: «...чтоб которые башкирцы и татара не пойдут воевать, то станем их рубить»²¹. По этой причине к восставшим башкирам, под угрозой смерти и разорения, присоединились, например, ясачные татары из деревни Новый Тимьярган Казанского уезда; позднее они бежали в свои деревни. Хотя бывали случаи, когда жесткое противостояние завершалось примирением обеих сторон. Служилые татары д.Колтаево Казанской дороги, узнав, что «...башкирцы хотят их рубить... всюю деревнею... выехали на Казанскую дорогу. А на другой день... с оными башкирцами помирились и шертовали, и Куран целовали, что им быть обще и воевать русских людей»²².

Осенью 1735 г. восстание временно пошло на спад. Однако

повстанческая деятельность татарского населения не осталась без внимания властей. Генерал-лейтенант А.И.Румянцев (на него Сенат возложил подавление восстания), будучи в Мензелинске осенью 1735 г., доносил в Петербург: «А здесь башкирцов в набегах и у зажигания сел и деревень, хотя и было, однако ж очень мало, а более наши ясачные татара, которые, оставя свои дома, и к ним отъехали...»²³ Тайный советник Ф.В.Наумов предложил Сенату вешать схваченных повстанцев татар и других «бунтовщиков», арестованных в последующем, «на страх протчим бунтовщикам» в местах, где их поймали; татарские деревни Казанского уезда, бывшие в «согласии» с повстанцами «...отвесь от линии дале и поселить к Казане ближе, учиня им наказание»²⁴.

Таким образом, часть татар волго-уральского региона, обладая значительным потенциалом протеста, приняла активное участие в повстанческом движении в 1735 г. Мотивы их выступлений, несмотря на определенную отдаленность от требований восставших башкир, были обусловлены не только недовольством царской политикой в социально-экономической и конфессиональной сферах, но и усилением башкиро-татарских отношений в первой половине XVIII в.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- 1 ПСЗ-I. – СПб., 1830. – Т.5. – № 2734, № 2741, № 2920. С.66–67, 71, 163.
- 2 ПСЗ-I. – СПб., 1830. – Т.6. – № 3637, № 4123. С.234–235, 792.
- 3 В исторической литературе его называют «башкирским», также как и движения 1662–1664 гг., 1681–1684 гг., 1704–1711 гг.: Добросмыслов А.И. Башкирский бунт в 1735, 1736 и 1737 г. // Труды Оренбургской ученой архивной комиссии. – 1900. Вып.8; Лебедев В.И. Башкирское восстание 1705–1711 гг. // Исторические записки. – 1937. Т.1. С.80–102; Устюгов Н.В. Башкирское восстание 1662–1664 гг. // Исторические записки.

– 1947. Т.24. С.30–110; Устюгов Н.В. Башкирское восстание 1737–1739 гг. – М. –Л., 1950; Акманов И.Г. Башкирские восстания XVII – первой трети XVIII в. – Уфа, 1978; Акманов И.Г. Башкирские восстания в XVIII в. – Уфа, 1987 и др.

4 Цит. по: История башкирского народа: в 7 т. – Уфа, 2011. Т.3. С.125.

5 Материалы по истории Башкирской АССР. – М. –Л., 1936. Ч.1. С.277.

6 Там же. С.298.

7 Татары. – М., 2001. С.155.

8 Материалы по истории Башкирской АССР. – М–Л., 1936. Ч.1. С.302.

9 Татары. – М., 2001. С.155.

10 Татарская нация: история и современность. Казань, 2002. С.38.

11 Исхаков Д.М. Башкиры-вотчинники // Татарская энциклопедия. – Казань, 2002. – Т.1. С.329.

12 Материалы по истории Башкортостана. Оренбургская экспедиция и башкирские восстания 30-х годов XVIII в. – Уфа, 2002. Т.VI. С.100.

13 Там же. С.41,42.

14 Там же. С.42.

15 Там же. С.46.

16 Там же.

17 Там же. С.55-56.

18 Там же. С.61.

19 Там же. С.18.

20 Там же. С.42.

21 Там же. С.43.

22 Там же. С.48.

23 Там же. С.65.

24 Там же. С.59.

Сведения об авторе: Валиуллин Ильдар Рауфович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института татарской энциклопедии и регионоведения АН РТ», e-mail: safara@yandex.ru.

Аннотация: В статье освещаются некоторые исторические моменты, связанные с участием татар волго-уральского региона в башкирском восстании в 1735 г. Внимание уделено правительственной политике по отношению к татарам, их миграции в Приуралье, взаимодействию татар и башкир в регионе, повстанческой деятельности татар.

Ключевые слова: татары, башкиры, Среднее Поволжье, Приуралье, Казанский уезд, Уфимский уезд, башкирские восстания, башкирское восстание 1735–1736 гг.

Abstract: The article highlights some historical moments related to the participation of the Tatars of the Volga-Ural region in the Bashkir uprising in 1735. Attention is paid to government policy towards the Tatars, their migration in the Urals, the interaction of the Tatars and Bashkirs in the region, and the rebel activity of the Tatars.

Key-words: Tatars, Bashkirs, Middle Volga region, Ural region, Kazan district, Ufa district, Bashkir uprisings, Bashkir uprising of 1735–1736.